Семен Васюков

Русская община на кавказско-черноморском побережье

Семен Васюков

Русская община на кавказско-черноморском побережье

«Public Domain»
1905

Васюков С. И.

Русская община на кавказско-черноморском побережье /
С. И. Васюков — «Public Domain», 1905

ISBN 978-5-04-015733-4

«Кавказско-черноморское побережье мы знаем по курортным местам и посадам Туапсе, Сочи, Гагры и проч., но не знаем трудовых центров побережья, не знаем, как живет поселенный русский народ – и в чем его будущее? Побережье пережило культуры: греческую, римскую, черкесскую и в настоящее время переживает русскую. Еще в глубокой древности побережье считалось лакомым кусочком для народов, страной не только приятной по климату и роскошной растительности для дачного пребывания изнеженных патрициев, но и страной богатой и сильной по производительности и всяким естественным богатствам. Сколько остатков прежнего, отжитого величия, следов заселенности и жизни осталось и теперь еще!..»

ISBN 978-5-04-015733-4

© Васюков С. И., 1905
© Public Domain, 1905

Содержание

I 5
II 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Семен Васюков
Русская община на кавказско-черноморском побережье

I

Кавказско-черноморское побережье мы знаем по курортным местам и посадам Туапсе, Сочи, Гагры и проч., но не знаем трудовых центров побережья, не знаем, как живет поселенный русский народ – и в чем его будущее?

Побережье пережило культуры: греческую, римскую, черкесскую и в настоящее время переживает русскую. Еще в глубокой древности побережье считалось лакомым кусочком для народов, страной не только приятной по климату и роскошной растительности для дачного пребывания изнеженных патрициев, но и страной богатой и сильной по производительности и всяким естественным богатствам. Сколько остатков прежнего, отжитого величия, следов заселенности и жизни осталось и теперь еще!..

Но приступим к русской общине и культуре.

Местная война кончилась. Кавказ, а вместе с ним и побережье покорены русскими. Черкесы ушли в Турцию, оставшиеся переселены в кубанские степи под надзор казаков. Покончили свою культуру горцы, и с 60#х годов побережье начало заселяться русскими. Интересны первые шаги поселенцев в стране для них новой, в совершенно незнакомых условиях. Они не имели понятия о местах, куда ехали, одни неволею, другие охотою, не знали, как и те, которые их посылали, как не знают до сих пор мест те, «кому ведать надлежит». Первые поселенцы были казаки-степняки тогда упраздненного шапсугского батальона, переведенного в гражданское состояние. Положение 18#го октября 1870 года предоставляло огромные льготы для поселившихся: при общинном земельном устройстве на каждую душу мужского пола, родившуюся до 1870 г., полагалось в юрту[1] по 20 десятин, кроме одной десятины, отведенной в полную их собственность (§ 55); общинная же земля была отрезана на правах крестьян-собственников. В течение 15#ти-летнего срока, считая с 10#го марта 1866 года, поселенцы освобождались от воинского постоя, от всяких гербовых и канцелярских пошлин, торговать могли по одним льготным свидетельствам без платежа пошлин, могли устраивать фабрики и заводы, не подвергаясь никаким денежным сборам в казну, и наконец освобождались от платежа податей и отправления денежной и натуральной повинности.

Вот какими льготами пользовались в новом, благодатном крае первые поселенцы-казаки, которых, если они шли охотою, наделяли кроме всего еще десятидесятинными «потомственными» (в частную собственность) участками. Но этих охотников, как видно из нарезанного числа участков, было не особенно много – пришлось селить силою, причем не пренебрегали порочными по приговорам столичных обществ членами. Таким образом организовалось 12 больших станиц с двумя поселками.

Впрочем, заселение или, вернее, *раздача земель* производилась не только простым казакам, но и офицерам упраздненного шапсугского батальона, которые получили бесплатно в полную собственность участки земли: штаб-офицеры по 400, а обер-офицеры по 200 десятин. Полковники и генералы верстались по 1 000 десятин. Но все эти крупные землевладельцы решительно никакой сельскохозяйственной деятельности не проявили; некоторые

[1] Юрт – мирская земля.

продали задешево жалованные земли, а другие, по-видимому, ждут цен и владеют огромными лесными и береговыми площадями земель, не имея на них не только какого-нибудь хозяйства, но даже турлучной хаты для сторожа, ибо эти вельможи предоставляют охрану своих владений местным лавочникам, платя им по 100 и даже по 50 руб. жалованья в год.

Мне приходилось делать десятки верст пешком по берегу моря. Идешь, идешь – скалы да лес, и нет ни жилья, ни человека. Потом спросишь: – Чьи эти земли? – «Такого-то генерала или князя!» – Отчего же пустуют такие прекрасные береговые угодья? – «Да так, – отвечают местные жители: – прежде греки потихоньку табаком занимались, а теперь никого нет!..» Не мало земель принадлежит министерству государственных имуществ: в горах такие земли тоже пустынны, а по берегу нарезаны культурные участки в размере около 10 и более десятин, сдаваемые на льготных условиях частным лицам под высшие культуры. Но слабо прививается и двигается эта высшая культура, вследствие отсутствия дорог и, потому, дороговизны на самые необходимые предметы потребления и строительные и другие материалы. Морской путь почти не эксплоатируется для сельскохозяйственных потребностей, пароходы идут мимо селений и культурных участков и, точно издеваясь над несчастными хозяевами, идут близко, в какой-нибудь версте от берега! Кроме того, дорог перпендикулярных новороссийско-сухумскому шоссе нет, хотя прежде, при черкесах, таковые были и содержались в прочном порядке. Я лично в горах на охоте находил совершенно сохранившиеся каменные мосты, которые так заросли, что нельзя и подозревать было о их существовании, еслибы не старый, местный охотник, который мне указал эти мосты в непроходимой теперь горной глуши. Вообще, черкесы свои многочисленные горные дороги содержали хорошо, об источниках заботились чрезвычайно и лесоистреблением не занимались. Русские первые поселенцы не только не поддержали черкесской культуры, для них полезной и прямо необходимой, но уничтожили даже следы жилищ и дорог неприятеля.

Что же делали на первых порах поселенцы? Первые четыре года – ничего. Высадили их по береговым «щелям», указали им «рукой» земли и, прибавив, что все это – ваше, живите, мол, работайте и будет вам хорошо! Ни указаний, ни советов, о каких бы то ни было инструкторах не было ни речи, «ни думки». С ними вместе поселились священники и фельдшера, да еще начальники из бывших офицеров. Кругом – горы, дремучий лес и море, все незнакомые картины для степняков. Что им делать? Стали они «робить» хаты и балаганы по низменностям около речек, где никогда не селились черкесы, занимая жилищами своими возвышенности над низинами, в которых они разводили сады и разрабатывали поля. Русские, напротив, поставили хаты в самых низких местах, ниже даже уровня моря, и, разумеется, en masse заболели лихорадками. Священники и фельдшера пригодились, действительно, очень скоро: одни лечили, другие хоронили, ибо лихорадки при таких условиях выражались осложнениями, которые вели в могилу. «Много нас тогда перемерло, ох, много!» – рассказывали мне оставшиеся в живых поселенцы. – «Поверите ли, бывало, все лежим, подняться нет сил и воды некому подать… Что детей похоронили, – так и валились ребята!.. После – ничего, обтерпелись!»

Но я должен прибавить, что и теперь от лихорадок страдают главным образом первые поселенцы, старожилы, которых усадьбы находятся в ямах, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовых деревьев и непременно около речки. Кое-где еще оставались черкесы, которые уводили скот у переселенцев. На первых порах бывшим казакам пришлось обороняться от горцев, иметь с ними враждебные столкновения в горах, разыскивать еще существовавшие аулы. Вот во время этих экспедиций поселенцы находили некоторые запасы зерна, оставленные невольными эмигрантами-горцами, и цветущие, великолепные фруктовые их сады.

– Что было фруктов, – рассказывали мне старожилы, – и, Боже мой! По 25 пудов и более яблок и бергамот с дерева брали… Некуда фруктов было девать!.. Возить стали в город… Это, впрочем, после, когда провиант перестали выдавать.

Первые поселенцы в течение четырех лет получали солдатский паек по 1 п. 32 ф. муки и по 8½ фунтов крупы на человека, причем полный паек считался от семилетнего возраста, а до тех пор дети все-таки получали пол-пая. Для перевозки из Кубанской области многочисленного провианта в построенные склады была организована береговая флотилия на казенные средства, существующая и поныне на ту же субсидию, но решительно ничего для населения не работающая, а служащая интересам богатейшего акционерного «Русского Общества пароходства и торговли», очень известного, как в текущей прессе, так и местным береговым жителям Черного моря, своими отрицательными отношениями. Другими словами, это Общество существует исключительно для своих акционеров, их интересов, но не для развития края, причем оно – монопольное.

Итак, поселенцы были обеспечены мукой, крупой, превосходными фруктами и рыбой, в изобилии живущей в море и речках.

– Я был грамотный, – рассказывал мне казак-переселенец, заведывающий раздачей провианта в одной из станиц, и потому был назначен по выдаче пайков. Дела было много… разные счеты и рассчеты… Бывало, в семье родится хлопец, сейчас же его батько бежит ко мне: «Пиши, – говорит, – вноси в списки едока!» – дня, ведь, не пропустит, бисов сын!

– А что, хватало пайков? не голодали поселенцы?..

– И, что вы!.. не тильки хватало, оставалось дюже… Скильки тех пайков пропивалось… Квитки можно было менять на что угодно, в магазине всякого товара было!.. горилка тоже!!..

– А что, от лихорадки в вашей станице добре помирали?

– Из 888 человек в нашей станице за два, кажется, года померло около 200 человек. Это взрослых, а детей – пропасть!..

– Много садов оставили черкесы?

– Много… хо-оррошие сады… Если бы не порубили, и по сие время фруктов хватило бы на всех!.. Теперь поостaвалось мало, которые после запрета…

– Зачем же было рубить фруктовые деревья, когда кругом леса сколько угодно!?

– Зачем?! – усмехаясь, отвечал мне старожил. – А затем, что не хотелось «лезти» на дерево, чтобы сымать фрухты; а срубил, значит и собрал с лежачего дерева прямо на фуру, да и айда!.. Многие так делали!.. После, когда перестала казна паек выдавать, когда на свои средства кормиться стали, вот тогда и взялись за ум, и запрет положили, и штраф…

– Какой запрет?

– Мирской!.. – приговор, значит! Все черкесские, какие ближние, сады по дворам надельным поделили, и кто у кого фрухту чужую снимет, с того 10 р. в общество штраф… Еще бы, когда после казенного пайка нас черкесская фрухта кормить стала, и мы стали ее беречь!

– Каким же это образом?

– Очень просто! Стали возить, да и теперь возим яблоки и бергамоты в Екатеринодар и меняем на муку, пуд на пуд выходит… Когда на фрухту урожай, мы всегда с хлебом, который у нас в лавках продается по 1 р. 60 к. пуд… А какой хлеб? сами видели!..

– Да, мука не важная! – согласился я.

– Вот из-за хлеба-то мы и бьемся, и вспоминаем наши кубанские степи. В горах пшеница если и родит, – то мышь ее поест, то ливнем весной снесет… Трудно надеяться на здешние урожаи хлеба!..

– А хлеб все сеют?

– А как же!?.. известно, – все жители…

– А сады не разводят?

– Мало кто!.. Почти можно сказать, что этим не занимаются.

Считаю нелишним для характеристики первых поселенцев-казаков привести довольно оригинальный факт. Когда наступило время поселенцам стать на свои хозяйские ноги, когда пришла пора окончания выдачи казенной помощи натурой, то остроумные казаки заявили по начальству, что пшеница на горной земле совершенно не родит, а им без хлеба жить невозможно. Тогда послан был чиновник, при котором поселенцы должны были посеять выданную им пшеницу. Что же они сделали?.. Предварительно обварили зерно в кипятке, а затем посеяли. Пшеница, конечно, не родила, что им дало возможность еще год прожить на казенных хлебах, хотя их хитроумная проделка была узнана властями впоследствии. С тех пор началась самостоятельная жизнь первых поселенцев, жизнь, по правде сказать, трудная, без дорог, без близких рынков; выручали одни только черкесские фрукты, когда по осени поселенские фуры из новороссийского (нынешнего) округа тянулись в Новороссийск, а из туапсинского в Екатеринодар через горные перевалы по трудным дорогам.

Так прошло время до проведения так называемого голодного шоссе (от Новороссийска до Сухума) в 1891 году и до прибытия из России новых поселенцев, которые известны на побережье под именем новоселов. Еще черноморская губерния не организовалась, и побережье принадлежало к Кубанской области, как черноморский округ. Губерния же объявилась только в 1896 году. В то время были назначены попечители, из которых проявил некоторую деятельность М. Ф. Пенчул. Он разъезжал по станицам, раздавал для посадки деревья, но, к сожалению, из этого почти ничего не вышло, – поселяне расчищали лес и сеяли пшеницу. Фруктовые деревья садили немногие, хотя самые тонкие французские сорта принимались и шли прекрасно без всякого со стороны поселенцев ухода.

II

Конец 80#х и начало 90#х годов ознаменовались приливом новых поселенцев, которых при самом их первом появлении принимали в свое общество старые жители по приговорам, взимая с каждой семьи по 25 рублей. Затем местное начальство селило пришлых из России людей по приказу, селило в те же станицы казаков-старожилов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.